

Уроки родной истории

Пособие для юношества, агностиков и вообще

С частной точки зрения, история – это вот что: одни люди приходят невесту откуда, другие уходят невесту куда. Но если взять объективнее, то окажется, что история есть путь человечества от стаи до совершенной личности, заключающей в себе цель, средство плюс потомственную мораль. Происходит это превращение через длинную-предлинную череду безобразий, которые цепляются друг за друга и после дают более или менее положительный результат. Скажем, английские колонисты последовательно вырезают индейцев, а потом из этого получается телефон.

Впрочем, не исключено, что исторический процесс не имеет цели, как свободное электричество, а просто люди приходят невесту откуда, оставляют по себе некую сумму количественных перемен, а потом уходят невесту куда. Такая догадка потому кажется соблазнительной, что покуда особых достижений-то на пути от стаи до совершенной личности не выдал. Разве что род людской не вышел из стадии юности и с нас настоящего спроса нет... Ведь недаром становление человечества подозрительно похоже на становление человека, который неизбежно проходит через золотой век детства, дикое отрочество, а также романо-германство юности, придурковатой, ожесточенной, неосновательной и в то же время прекрасной, как Парфенон.

Казалось бы, странно: два с половиной миллиона лет существует человек, а все у него юности, с которой настоящего спроса нет. Дело, однако, в том, что мы имеем глухое понятие о времени, в частности, мы неспособны постигнуть вечность, и даже протяженность часа у нас зависит от рода занятий и состояния поджелудочной железы. Два с половиной миллиона лет – это, конечно, срок, но критический ли, особенно если принять в расчет, что ты сам родился на другой год после окончания Великой Отечественной войны, которая представляется нынешнему юношеству такой же седой древностью, как война Алой и Белой роз; что твоя матушка еще застала в живых старшую дочь Александра Сергеевича Пушкина, а твой крестный отец младенцем охло на левое ухо от пушечного выстрела, который послужил сигналом к восстанию 25 октября; что ты был современником вдовы Саввы Морозова, владевшей

История есть путь человечества от стаи до совершенной личности. Происходит это превращение человечества от стаи до совершенной личности. Происходит это превращение через длинную-предлинную череду безобразий, которые цепляются друг за друга и после дают более или менее положительный результат.

во время оно дворцом на Спиридоньевке, целовал женскую руку, которая стирала смертридоньевке, целовал женскую руку, которая стирала смертную рубашку Антона Павловича Чехова, и в детстве носил тубейку, дошедшую до нас из той давней эпохи, когда на Московское государство ежегодно совершали набег дикие крымчаки; и, может быть, мы только потому такие злые слухи, что двадцать веков христианства – это сравнительно ничего.

Следовательно, Крестовые походы случились, можно сказать, вчера, ну позавчера, и малоудивительно, что человек покуда не достиг завораживающих успехов на путях эволюции от стаи до совершенной личности, что он еще во многом жулик и обормот. Но вот крокодил: ведь он куда старше человека, на многие миллионы лет старше, а он по-прежнему не больше, чем крокодил; человек же начинал с таких идиотских шалостей, как покорение Индии, а в наше время он смиренно тарашится в телевизор и его географические притязания не идут дальше шести соток под пачку, картофельную грядку и клумбу для георгинов.

То есть кое-какие промежуточные достижения эволюции налицо и, следовательно, у истории есть цель, и цель эта есть именно homo sapiens, сиречь человек разумный до такой степени, что он всем желает спокойствия и добра. В свою очередь, наличие цели обличает причастность к историческому процессу некой изначальной, всевышней силы, которая в просторечии именуется словом "бог", иначе изобретение атомной бомбы как всеотрицания закономерно привело бы к исчезновению жизни на Земле, а оно вылилось в отрицание отрицания, из-за того что глупости и безобразия почему-то всегда дают в сумме положительный результат. Однако Бог тут не более чем причастен, поскольку слагаемые движения человечества к высшей цели суть все-таки не изобретение Гутенберга, и не симфонии Моцарта, и не Русские сезоны в Париже, но яркие образчики поврежденной психики и ограниченного ума.

Оттого-то, разбираясь в родной истории, хочется в каждый горшок плюнуть, потому что, куда ни ткнешь, повсюду злодейство, горе, бесчинство, человеконенавистничество, дурость, воинственный эпизод, которые, впрочем, всегда слагаются в более или менее положительный результат.

Когда древнее человеческое сообщество потребовало какой-то организации, его возглавила наша прапрапра-женщина, причем она держалась на этом посту так долго, что вся история русского народа – сравнительно летний сон. Это немудрено; тогдашний человек не связывал соитие с деторождением и, разумеется, существо, способное магическим образом производить на свет мальчиков и девочек, представлялось более естественно-аномальным, сверхъестественным и, соответственно, имеющим все преимущественные права. В ту пору, как уверяют археологи, войны были исключительно редки и считались выпадением из нормального бытия.

Трудно сказать, как развивалась бы история человечества, останься женщина на веки веков у кормила власти и оттесни она мужчину прочно на задний план. Может быть, женственный мир вышел бы не таким оз-

В. Пьещух

лобленным, как мужской, но такое не исключено, что все было бы так, как было, и людьми руководили бы те же властолюбие, сребролюбие, ненависть и любовь. Видимо, все было бы так, как было, ибо первая же женщина, оставившая след в анналах родной истории, княгиня Ольга, из узкополитических интересов крестилась в Христову веру, походя оболестила византийского императора, воспитала богоотступника, впоследствии сажавшего на кол целые города, в отместку за убийство алчного своего мужа сожгла столицу соседнего царства и живьем закопала в землю его послов. Любопытно, что княгиня Ольга все же была первой христианкой на Руси, которой, по учению, полагалось любить врагов. Возможно, в ту эпоху крещение в греческую веру мало к чему обязывало, однако же внук княгини, Владимир I Святой, настолько буквально принял закон Христа, что наотрез отказывался казнить бандитов с больших дорог. Наконец, как быть с природной женской жалостливостью, кротостью, миролюбием, вообще склонностью ко всяческому добру...

По примеру княгини Ольги русские государыни и впрямь отличались тем неприятным двуличием, которое не в чести даже у деспотов из мужчин. Императрица Анна I, правда, была прямолинейна, как пожарный, но истая христианка царевна Софья Алексеевна интриговала и зверствовала по византийскому образцу. Императрица Елизавета отменила смертную казнь, однако из ревности усекла язык девице Лопухиной, не любила войны, но в ее царствование

русские впервые взяли Берлин и сделали губернским городом столицу Восточной Пруссии – Кенигсберг. Екатерина II, фигурально выражаясь, строила глазки французским энциклопедистам и тем не менее засадила в Илимский острог бедного Радищева за книгу путевых впечатлений, – по европейским меркам, безобидную даже для начинающего ума. Больше у нас женщин во власти не было, если не считать графини Паниной, бывшей министром общественного призрения во Временном правительстве.

Из всего этого логически вытекает, что власть в России отравляюще действует на человека независимо от его половой принадлежности, и нет никакой гарантии, что, окажись завтра на верхней кремлевской ступени молодая, очаровательная, интеллигентная женщина с самыми положительными наклонностями, она первым делом не упечет свекровь в мордовские лагеря.

Есть исторические репутации, которые не могут не раздражать.

Князь Святослав Игоревич, тот самый богоотступник, которого воспитала княгиня Ольга, всю свою жизнь только и делал, что воевал. Пятилетним мальчиком он участвовал в сражении с древлянами и тридцатилетним мужем был зарезан на днепровском острове Хортица печенегами, которые потом сделали из его черепа фиал для питья бузы*. Этот князь прославился тем, что разорил Хазарское ханство, бивал половцев, совершил несколько интервенций против Византийской империи, вырезал пол-Болгарии и всегда загодя объявлял супостатам: "Иду на вы". Ему также принадлежит максима "Мертвые срама не имут", в которой понятие о чести почему-то противопоставляется благу личного бытия.

Так вот в нашем историческом сознании этот подвижник военного дела предстает былинным героем, благородным рыцарем эпохи раннего Средневековья, прославившим русское оружие среди соседей и на века. Между тем это был обыкновенный восточно-европейский конквистадор, искатель крови и приключений, которого не так занимала безопасность родной земли; во всяком случае, наш летописец Нестор отмечает большое возмущение в Киеве, возникшее в связи с тем, что князь Святослав Игоревич ушел воевать в Болгарию, обнажив границы Русского государства и в результате к столице подступили дикие степняки.

Есть люди, у которых головной мозг как-то так превратил сортирован в черепной коробке, что им претит обыкновенный способ существования, основанный на созерцательном отношении к жизни и какому-нибудь невредному занятию вроде гончарного ремесла. Из таких мятущихся натур выходят великие завоеватели, уголовные преступники, путешественники, многоженцы, революционеры, – словом, разный негодный люд. И вот что возмутительно: нет такого человека, который не знал бы про Ваньку-Каина и Наполеона, но только кое-кто из узких специалистов слышал об Александре Васильевиче Поливанове, открывшем принцип передачи мысли на расстоянии помимо печатного станка, радиоволн и электрических проводов; правда, всемирно-историческая ценность этого открытия сильно снизилась в связи с тем, что давно уже не замечается такой мысли, которую остро

необходимо было бы передать**.

Разумеется, жестокие проделки князя Святослава Игоревича – это не его преступление, а преступление его века, как говорил английский мыслитель Фрэнсис Бэкон, осужденный за издевательство четыреста с лишним лет тому назад. Просто в ту пору человек был еще настолько примитивен, что драться и зверствовать для него было так же естественно, как в наше время делать деньги и прозябать. Тем важнее будет принять в расчет: история – это разве что, третьих, свод побед и поражений, а во-первых – запечатленный ход развития человека как высшего существа. Причем складывается она из повседневных дел, частных озарений, мелких забот, печалей, интересов и смешных радостей, которые со временем преобразуются в мощный вектор, так что нет никаких гарантий, что из карточного проигрыша в конце концов не выйдет государственный переворот. Плюс, конечно, редкие прорывы человеческого духа, понимаемого как соответствие всевышнему замыслу, и гения, понимаемого как аномальная во времени организация человеческого ума.

Поэтому мотаем себе на ус: жить нужно аккуратно, постоянно соображаясь с тем, как бы из твоего карточного проигрыша, или пристрастия к йогe, или опоздания на службу не вышел государственный переворот.

Владимир Святой, он же Красное Солнышко, – фигура чрезвычайно сложная, противоречивая, неудобопонятная, то есть совершенный ружак, даром что он приходился правнуком природному викингу Рюрику Скъелдунгу, который до воцарения на Руси был сувереном Рустрингена во Фрисландии, граблывал побережье Англии и северные германские города. Князь Владимир, хладнокровный убийца, интриган, пьяница и большой безобразник по женской части, вместе с тем реформировал языческий культ, обустроил Киев, учредил пограничную службу, отогнал печенегов и, наконец, решил выйти на европейскую арену, женившись на константинопольской принцессе Елене, о которой он, впрочем, ничего хорошего не слыхал. Того ради князь обложил византийский город Корсунь, нынешнюю южную окраину Севастополя, и соглашался снять осаду только на том условии, что Елена станет его женой. Сошлись с Константинополем на компромиссе: принцесса принимает предложение руки и сердца, если русский князь в свою очередь примет Христову веру по восточному образцу. Владимир охотно крестился, крестил дружину и руки и сердца, если русский князь в свою очередь примет Христову веру по восточному образцу. Владимир охотно крестился, крестил дружину и мало-помалу всю подвластную ему Русь.

Таким образом, мы обрели религию, которая до самых Петровских преобразований составляла культурный багаж нации у нас и заменяла все: науку, политику, искусство, народный театр в особенности, и только наша литература с самого начала встала особняком. Замечательно, что новая вера быстро и безболезненно прижилась в русском народе, несмотря на то, что была резко революционна и предполагала в умах и душах очень трудный переворот. Действительно: еще вчера кровавая месть была непреложным законом рода, а нынче полагалось любить злопыхателя и врага.

Такая приживчивость, с одной стороны, объясняется всеобъемлющим разумным характером христианства, из которого вытекает нравственный абсолютизм; но, с другой стороны, православию нашло на Руси предельно благодатный человеческий материал, поскольку вообще мало кто так слепо и беззаветно предается всякой возвышенной императивности, как русак. Положим, немец тоже способен обольститься до самозабвения какой-нибудь идеей, включая тупые и вздорные вроде национал-социализма, но в том-то вся и штука, что русский человек единственно в том случае подпадает под обаяние аксиомы, если за ней стоит ослепительно возвышенный идеал.

Это, вероятно, от бедности; народы, тягущие собственность и с головой занятые в материальном производстве, исповедуют удобное, небременительного бога и веруют как-то гигиенично, в меру приличия, но для бедняков, вроде нас, тибетцев, индусов стоического толка, суфитов и любящих чистоту иудеев религия – это все. Дело естественное: для бедняков, почти не существующих зацепок во внешней, пососторонней жизни, и поэтому они сосредоточены на мечте. Недаром мы в начале XX века, волнен-ноленс расплевавшись с Христом, которому поклонялись тысячу лет, с восторгом приняли коммунистическую религию, тоже обывавшую отстрадать свое в этой жизни ради обещанного Царствия Божия на земле; правда, у новой веры было то заманчивое преимущество, что она исключала самую загадочную гипостась Бога – отсроченное торжество справедливости над пороком, и представлял эксплуататорских классов безо всякой проволочки, у ближайшего отхожего места получал воздаяние за свои неправедные дела. Также недаром нынешнее юношество представляет собой источник неслыханных бедствий и катастроф, поскольку у него обе религии отобрали, поскольку молодой человек развивается точно в безвоздушном пространстве, как гомункул в банке, а между тем Россия без религии не стоит.

Вячеслав ПЬЕЦУХ

*Хмельное пиво из проса у тюркских народов, от которого пошел наш глагол "бузить".

**Это соображение предлагается на суд читателя не впервой; собственно говоря, повторы приходится потому, что, с одной стороны, текущая литература так трудно доходит до читателя, что для него, может статься, все оригинально, откровенно и впервой.

(Окончание в следующем номере.)

Кучабура – 2008 – 29 авг. – 4 сент. – 1 с. Н